

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.2.26>

Сулимов Станислав Игоревич, Трегубова Динара Дмитриевна, Черниговских Игорь Васильевич
Социально-философские идеи "Хэй да ши люэ": встреча цивилизации и варварства

Данная работа посвящена сравнительному анализу восприятия феномена варварства китайскими и античными авторами. Донесения китайских дипломатов об образе жизни монголов XIII в., известные под названием "Хэй да ши люэ", сравниваются с аналогичными римскими источниками ("Записками о Галльской войне" Гая Юлия Цезаря, "Германией" Публия Корнелия Тацита и "Римской историей" Аммиана Марцеллина). Опираясь на античные и китайские источники, авторы статьи анализируют созданный дальневосточными и римскими классиками образ "варварства", который в источниках получается очень обобщенным и фактически единым как для Китая, так и для Рима (а если смотреть шире, то для любого цивилизованного общества).

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/2/26.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 2. С. 145-152. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

5. Липсет С. М., Ленц Г. С. Коррупция, культура и рынки // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона; пер. с англ. А. Захарова. М.: Московская школа политических исследований, 2002. С. 149-168.
6. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ; Хранитель, 2006. 873 с.
7. **Предотвращение самоубийств: глобальный императив** [Электронный ресурс]. URL: http://www.who.int/mental_health/suicide-prevention/world_report_2014/ru/ (дата обращения: 06.11.2019).
8. Banfield E. C. The Moral Basis of a Backward Society. Glencoe, Ill.: The Free Press, 1958. 204 p.
9. Foschi R., Lauriola M. Do Amoral Familism and Political Distrust Really Affect North-South Differences in Italy? // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2016. № 6. P. 751-764.
10. Nikolauk E. Youth mortality in European countries: A comparative analysis [Электронный ресурс]. URL: <https://www.neodemos.info/articoli/youth-mortality-in-european-countries-a-comparative-analysis/> (дата обращения: 10.11.2019).
11. Schwartz S. H. An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1116> (дата обращения: 21.09.2019).
12. **World Drug Report 2017. Pre-briefing to the Member States** [Электронный ресурс]. URL: https://www.unodc.org/wdr2017/field/WDR_2017_presentation_launch_version.pdf (дата обращения: 25.12.2019).

On Interrelation of Anomie and Hedonism

Kuz'menkov Vladimir Aleksandrovich, Ph. D. in Philosophy
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia
vakuzmenkov@gmail.com

The article draws a parallel between anomie and hedonism. Anomie leads to the individual's spiritual dependence (addiction) and self-destructive behaviour. It is expressed in the cult of sensual pleasures and short life cycles, and therefore peculiarly compensates and replaces lack of value integration of the individual. The analysis of empirical studies on mortality and corruption has allowed the author to describe hedonistic nature of anomie. According to I. Berlin, anomie is negative freedom, which leads to social atomization and destruction of communal ties.

Key words and phrases: anomie; hedonism; spiritual freedom; dependence; corruption; negative and positive freedom; consumer society.

УДК 130.2

Дата поступления рукописи: 18.01.2020

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.2.26>

Данная работа посвящена сравнительному анализу восприятия феномена варварства китайскими и античными авторами. Донесения китайских дипломатов об образе жизни монголов XIII в., известные под названием «Хэй да ши люэ», сравниваются с аналогичными римскими источниками («Записками о Галльской войне» Гая Юлия Цезаря, «Германией» Публия Корнелия Тацита и «Римской историей» Аммиана Марцеллина). Опираясь на античные и китайские источники, авторы статьи анализируют созданный дальневосточными и римскими классиками образ «варварства», который в источниках получается очень обобщенным и фактически единым как для Китая, так и для Рима (а если смотреть шире, то для любого цивилизованного общества).

Ключевые слова и фразы: варварство; цивилизация; Римская империя; императорский Китай; культурная экспансия.

Сулимов Станислав Игоревич, к. филос. н., доцент
Воронежский государственный университет
sta-sulimov@ya.ru

Трегубова Динара Дмитриевна, к.и.н.
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, г. Москва
ddtregubova@gmail.com

Черниговских Игорь Васильевич, к. филос. н., доцент
Воронежский государственный университет инженерных технологий
igrchernigovskix@rambler.ru

Социально-философские идеи «Хэй да ши люэ»: встреча цивилизации и варварства

В последнюю пару десятилетий многие исследователи и журналисты пишут о стремительной варваризации Западной Европы и Северной Америки, о настоящем нашествии мигрантов, которых нередко сравнивают

с варварами эпохи Великого переселения народов. Между тем четкого определения того, кто такой варвар и чем он отличается от носителя цивилизации, до сих пор нет. Ситуация осложняется тем, что на протяжении тысячелетий термин «варварство» нередко применялся представителями одной цивилизации к представителям другой (например, китайцы называли варварами европейцев, европейцы – мусульман и т.д.). В наши дни этот термин считается некорректным и чаще используется в политической риторике, чем в научных дискуссиях. Между тем проблема варваризации современных стран «первого мира» и, отчасти, России стоит достаточно остро. Поэтому в данной работе мы обратимся к античным и китайским древним и средневековым источникам, авторы которых описывали современных им варваров с позиции представителей зрелых, цивилизованных обществ.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что такие работы, как средневековая китайская книга «Хэй да ши люэ» или «Германия» Публия Корнелия Тацита, написаны в обществах, ныне не существующих. Уже нет ни императорского Китая, ни Римской империи, и поэтому мнения и оценки их авторов не имеют отношения к современной политической конъюнктуре. Китай в XIII в. и Римская империя в начале н.э. повергались нашествию варваров, но о современном состоянии Западной Европы их писатели ничего не знали и параллелей не проводили. Их работы для современного читателя звучат беспристрастно.

Научная новизна исследования заключается в том, что сравнительный метод изучения китайских и античных источников, написанных в разные эпохи, но при схожих обстоятельствах, позволяет обнаружить социально-культурные константы, не зависящие от конкретных исторических обстоятельств, отличающие варварское общество различных эпох и регионов от любой цивилизации.

«Хэй да ши люэ», или «Краткие заметки о чёрных татарах» – памятник средневековой китайской литературы, представляющий собой путевые заметки двух дипломатов и, судя по стилю написания, разведчиков Пэн Да-я и Сюй Тина, посетивших ставку монгольских ханов в 1230-е гг., вскоре после завоевания монголами Северного Китая. Оба автора были подданными южно-китайской империи Сун и позиционировали себя как представители более развитого и цивилизованного общества, хотя Китай к этому моменту уже потерпел от кочевников ряд поражений, и его правители относились к монголам скорее настороженно, чем презрительно. Этим объясняется и повышенное внимание обоих авторов к военной и административной организации монголов, а не, скажем, к их семейной жизни или религиозным представлениям. Но это не только летопись, путевые заметки или шпионское донесение, а один из немногих подробных и откровенных взглядов цивилизованного, зрелого общества на внутреннюю, не выставляемую напоказ жизнь своего более молодого соседа. Те, кого представители успешней сосчитать культуры снобистски именуют «варварами» или даже «дикарями», предстают на страницах таких книг в своём истинном виде, без ярлыков и предвзятости. Именно поэтому таких достоверных произведений существует совсем немного – в основном это работы позднеантичных авторов, повествующие о жизни германских племён вне границ Римской империи. «Хэй да ши люэ» можно по праву сравнивать с сочинениями Публия Корнелия Тацита и Аммиана Марцеллина. Как мы увидим ниже, между ними очень много общего, хотя эти книги и были написаны на противоположных краях Евразии с интервалом в тысячу лет.

Прежде чем говорить о конкретных характеристиках, данных высококультурными дипломатами и историками своим менее цивилизованным и более непосредственным соседям, необходимо определиться с терминами. Термины «варварство» и «цивилизация» мы будем употреблять без всякого уничижительного оттенка и, наоборот, без излишнего пиетета, просто следуя сложившейся в социальной философии и философии культуры традиции. Например, когда британский философ А. Дж. Тойнби, к трудам которого мы будем не раз обращаться, говорит о границе между цивилизацией и варварством, то в его словах вовсе не подразумевается, что одно общество полноценно, а другое – нет. Просто обычно такие описания составляются именно представителями «цивилизации», и именно они, а не современные исследователи, воспринимают соседей как «неразвитых», «некультурных» и т.д. Например, в средневековой китайской летописной традиции стало правилом условно делить монголов на «белых» и «чёрных» татар, исходя из того, возделывают описываемые татары землю или нет. Так, монголы, ведущие кочевой образ жизни и не практикующие земледелие, автоматически записывались китайскими авторами в разряд «чёрных» татар и считались менее цивилизованными, чем «белые» татары, возделывавшие землю по китайскому образцу. То есть индикатором «культурности» и «цивилизованности» для китайских летописцев служило сходство хозяйственной жизни иноземцев с аналогами из жизни императорского Китая. Сходным образом ситуация складывается с пониманием «цивилизации»: бесспорно, «осевые» общества и их аналоги с других континентов и из других эпох добились немалых достижений во всех сферах жизни, но их превосходство над другими народами не было абсолютным. В противном случае они (каждое – в свой черёд) не стали бы добычей или данниками своих более молодых и менее утонченных соседей.

Британский исследователь А. Дж. Тойнби так описывает в самых общих чертах процесс взаимодействия цивилизованного и варварского обществ: «Когда занавес поднимается, обе стороны стоят друг против друга в отчуждении и враждебности. По ходу пьесы отчужденность оборачивается интимностью, но и это не приносит мира. Время работает в пользу варваров, и, наконец, настает момент, когда они прорывают границу и мчатся по обширным владениям универсального государства, сминая воинские формирования правящего меньшинства империи» [10, с. 367]. На ранних этапах такого знакомства цивилизованное общество, используя экономическое и политическое превосходство, пытается либо завоевать своих молодых соседей, либо превратить их в придаток собственной экономической системы. Закаленные в сражениях профессиональные армии, состоящие из ветеранов, вторгаются в дикие земли, а ушлые, привычные к мошенническим сделкам купцы основывают свои фактории, но никто и не думает интересоваться образом жизни народов, включаемых

в орбиту цивилизации. Например, Плутарх открыто ставит Александру Македонскому в заслугу завоевание народов Центральной Азии: «Если же мы обратимся к делам Александра, то увидим, что он воспитал гирканцев для браков, научил арахосийцев земледелию, согдианцев убедил не убивать отцов, а питать их, персов – почитать матерей, а не жениться на них. Изумление вызывает философия, благодаря которой индийцы поклоняются греческим богам, скифы хоронят умерших, а не съедают их. <...> Платон, написав единственное “Государство”, никого не убедил воспользоваться этой книгой по причине её чрезвычайной суровости, Александр же, основав свыше семидесяти городов среди варварских племён и посеяв в Азии греческие нравы, победил там дикий и звероподобный образ жизни» [8, с. 440]. Сходным образом рассуждал китайский сановник Вэй Чжэн, в VII в. решавший судьбу побеждённых имперской армией тюрков: «В сущности, предложения Вэй Чжэна основываются на традиционном конфуцианском представлении о варварах как о не вполне людях: у них лишь лица людей, а сердца – диких зверей. Врожденные качества варваров невозможно изменить, и поэтому покоровшиеся варвары никогда не смогут стать настоящими подданными. На них нельзя воздействовать категориями долга и справедливости. Отсюда и следует вывод: лучше вообще не иметь с ними дела и не вступать с ними в какие бы то ни было отношения» [4, с. 267]. Таким образом, пока носители цивилизации превосходят варваров силой и богатством, они воспринимают образ жизни иноземцев не как культурную самобытность, а, скорее, как признак слабоумия – «дикий и звероподобный образ жизни», в восприятии которого гротескная фантазия не отделяется от мимолетных впечатлений.

Отношение начинает меняться только тогда, когда между цивилизацией и варварством устанавливается прочная граница, которую цивилизация не может преодолеть. Особым обстоятельством, пробуждающим интерес цивилизованных исследователей, служат поражения, наносимые варварами войскам «культурных» народов. Только после этого исследователи начинают различать варварские племена и замечать реальные детали их образа жизни: ведь теперь становится понятно, что эту «отсталость» и «дикость» не получится отменить или «окультурить», с ней придётся иметь дело каждый день (хотя бы по торговым и дипломатическим вопросам). Любопытно, что представитель каждой цивилизации полагал, что рисует портрет именно своего варварского соседа, но в итоге получился собирательный образ, мало различающийся на обоих краях Евразии. Какими же предстают варвары в работах цивилизованных авторов?

В самую первую очередь как китайские, так и античные авторы отмечают их неприхотливость и выносливость. Например, Пэн Да-я пишет о монголах: «Что до их наград и наказаний, то по их обычаю выполнять свой долг считается само собой разумеющимся, и это никто не решается воспринимать как заслугу. Взаимно друг друга убеждая, они говорят: “Если мой господин пошлёт меня в огонь или в воду, я пойду ради него”. Когда речь заходит о голоде, холоде и тяжких лишениях, то они говорят только “*дай*” [*дай* означает “нехорошо”]» [Цит. по: 11, с. 37-38]. Казалось бы, речь идёт об особенностях поведения средневековых монгольских воинов, и только лишь. Однако Аммиан Марцеллин, словно списывая у своего китайского коллеги сквозь века, говорит о гуннах: «Никогда они не укрываются в какие бы то ни было здания; напротив, они избегают их, как гробниц, далеких от обычного окружения людей. У них нельзя встретить даже покрытого камышом шалаша. Они кочуют по горам и лесам, с колыбели приучены переносить холод, голод и жажду» [5, с. 538]. Дело тут не в том, правда это или нет, а во внимании, которое цивилизованные авторы уделяют именно варварской выносливости. Вряд ли как гунны, так и монголы когда-нибудь радовались холоду или голоду. Но и те, и другие терпели такие природные условия, от которых уже давно отвыкли их живущие в империях соседи. Речь скорее идёт не о какой-то особенной силе кочевников, а об изнеженности имперских горожан.

Также античные и китайские авторы единогласно отмечают нелюбовь варваров к земледелию и вообще к созидательному труду. Пэн Да-я характеризует монголов как охотников, мало знакомых с растительной пищей: «Их пища – мясо, а не хлеб. На охоте они добывают зайцев, оленей, кабанов, сусликов, диких баранов, [из позвоночных костей которых можно делать ложки], антилоп, [у которых желтые спины, а хвост величиной с веер], диких лошадей, [которые по виду похожи на ослы], рыбу из рек и ручьёв, [которую можно ловить, только когда земля замерзает]» [11, с. 24-25]. То же самое пишет о гуннах Аммиан Марцеллин: «Никто у них не пашет и никогда не коснулся сохи. Без определенного места жительства, без дома, без закона или устойчивого образа жизни кочуют они, словно вечные беглецы, с кибитками, в которых проводят жизнь; там жены ткнут им их жалкие одежды, соединяются с мужьями, рожают, кормят детей до возмужалости» [5, с. 539]. Может быть, речь идёт именно об особенностях кочевого быта? Ведь неудивительно, что гунны и монголы не занимались земледелием: и те, и другие были кочевниками, а подножный корм для лошадей одинаков как в Халхе, так и в северном Причерноморье. Но приблизительно то же самое пишет о германском племени свебов Юлий Цезарь! Свебы никогда не вели кочевой образ жизни – это жители лесов, охотники и грабители, иногда, впрочем, разводившие огороды. Но хлебопашество для них всё-таки оставалось экзотикой: «Питаются они сравнительно мало хлебом, а главным образом молоком и мясом своего скота. Кроме того, они проводят много времени на охоте. Она развивает их физические силы и сообщает им огромный рост, благодаря особой пище, ежедневным упражнениям и полной свободе, так как их с самого детства не приучают к повиновению и дисциплине, и они делают только то, что им нравится. В конце концов они так себя закалили, что даже в самых холодных местностях надевают на себя только короткие шкуры, оставляя значительную часть тела открытой, и купаются в реках. Купцов они допускают к себе больше для продажи военной добычи, чем из желания получить какие-либо привозные товары» [12, с. 65]. То есть нельзя сказать, что варвары ведут неупорядоченный образ жизни: их жизнь подчинена четкому ритму, только это ритм не земледельческий, а охотничий.

С точки зрения давно и прочно прикрепленных к земле и рыночной торговле имперских жителей это действительно дико, но именно охоте варвары обязаны своей физической выносливостью и вольнолюбивым нравом.

Говоря о германцах, Цезарь между делом упоминает, что они равнодушны к торговле. Будто списывая у римлянина, китайский разведчик Сюй Тин замечает: «Я, Тин, видел, что у татар всё держится на подарках *sauya* и среди них нет ни одного, кто умел бы заниматься торговлей. <...> Их повседневные потребности ограничиваются одеждой и пищей. Когда китайцы, мусульмане и прочие приезжают в степь по торговым делам, татары меняют своих овец и лошадей (на их товары)» [11, с. 35]. То же самое говорит и Публий Корнелий Тацит, писавший на рубеже I-II в. н.э., после битвы в Тевтобургском лесу, и поэтому воспринимавший германцев не как дикарей, а, скорее, как опасных соседей: «Можно у них видеть серебряные сосуды, полученные в подарок их послами или князьями, в таком же малом почёте, как и те, которые лепятся из глины. Правда, ближайšie к нам, по причине торговых сношений, ценят золото и серебро, знают и различают некоторые из наших монет, но у живущих внутри страны в употреблении более простой и старинный способ торговли – обмен товаров» [9, с. 43].

Об отношении варваров к подаркам следует сказать особо. Эта тема преподнесена в «Хэй да ши люэ» и «Германий» Тацита полным удивления тоном. Римлянин, говоря о гостеприимстве варваров, принимает это явление за следствие простодушия и непосредственности: «По отношению к праву гостеприимства, никто не делает различия между знакомым и незнакомым. Если гость, уходя, что попросит, в обычае уступать ему; с такой же бесцеремонностью хозяин может попросить что-нибудь взаимно. Германцы любят подарки, но не вменяют своих во что-нибудь другому, ни получаемыми от других не считают себя обязанными: во взаимных отношениях между гостем и хозяином господствует ласковость» [Там же, с. 52]. Менее восторженно пишет о сходном монгольском обычае Пэн Да-я: «Если они видят чьи-либо вещи и хотят их получить, они называют это *saxua*. Если [владелец] их отдаёт, они говорят: *на-ша инь*; на языке татар это значит “хорошо”. Если [владелец] их не отдаёт, они говорят: *мао-у*; на языке татар это значит “плохо”. *Saxua* по-китайски означает “выпрашивать”» [11, с. 38]. То есть Пэн Да-я иносказательно намекает на то, что татары – нация попрошайек, но открыто этого сказать не смеет, потому что «попрошайки» ко времени его посольства успели разгромить и захватить тангутское государство Си Ся и чжурчжэньскую империю Цзинь.

Возникает закономерный вопрос: где кроется источник такой щедрости? Богатый римлянин мог давать небольшие денежные суммы своим клиентам по каким-нибудь подходящим поводам, но часто делал это в униженной форме: например, требовал, чтобы толпа просителей выстраивалась возле его дома и хором поздравляла его с добрым утром. Об отношении китайцев к денежным подачкам красноречиво свидетельствует особый круг ада в их мифологии, предназначенный для тех, кто обещал дать денег и не дал [7, с. 212]. Наверное, нечасто такие обещания выполнялись, если китайский проситель надеялся лишь на загробную справедливость. А ведь речь идёт о жителях могущественных империй, экономические системы которых отлаживались столетиями, в которых голод являлся очень редким, почти небывалым событием. И в сравнении с ними не знающие государства варвары выглядят благородно и великодушно, дорожа расположением товарищей больше, чем вещами. Но где же они брали эти вещи, с которыми так легко расставались? Ведь ремесло и торговля не входили в число уважаемых варварами занятий.

И китайские, и античные историки единогласно отмечают, что одним из самых популярных занятий у варваров была война. Причём их военные действия совсем не походили на тщательно планируемые и дорогостоящие операции имперских регулярных армий, а были всенародным делом. Вот как, к примеру, недолго отзывается о монгольском военном деле Сюй Тин: «Как я, Тин, видел, ведение войны у татар есть не что иное, как одно сплошное дикое и безрассудное молодечество. Но ведь они тоже всего лишь люди: как же получается, что они не боятся смерти? Дело в том, что со времен своего первого военного прорыва на юг они не понесли ни одного поражения. Поэтому они осмелели ещё больше, и их наглость теперь не знает никаких границ» [11, с. 47]. Со слов китайского разведчика получается, что монголы – лишь банда разгулявшихся грабителей-налетчиков. Но Пэн Да-я приводит подробные описания их тактических приемов, применяемых в сражениях, и картина толпы полуголых дикарей тотчас рассеивается. Восточные варвары вели бой не так, как войска императоров Цзинь и Си Ся, но, тем не менее, не проигрывали его. Похожим образом описывает воинственный нрав германцев Тацит: «Если община, в которой молодые люди родились, погружена в продолжительный мир и спокойствие, то многие из благородных юношей добровольно отправляются к тем народам, которые ведут в то время какую-либо войну, так как, с одной стороны, покой этому народу неприятен, с другой – они легче достигают славы среди опасностей, да и большую свиту нельзя содержать иначе как путём насилий и войны: ибо от щедрости своего вождя спутники его требуют этого боевого коня, этой кровавой и победной фрамеи (тип копья – авт.). Пиршества, хотя и грубые, но обильные, идут вместо жалования; средства же для подарков составляют грабеж и война» [9, с. 48-49]. И римский историк, подобно Пэн Да-я, описывает боевую тактику германских отрядов, опровергая представление о них как о неорганизованной банде головорезов.

Сходясь на поле боя с регулярными войсками цивилизованных государств, варвары сначала почти всегда терпят поражения. Однако они очень быстро учатся, и вскоре имперские армии ждёт разгром, эквивалентный катастрофам в Тевтобургском лесу (9 г. н.э.) или при Адрианополе (378 г. н.э.). Так было с римлянами, а спустя века повторилось и с китайцами (сражение у хребта Ехулин в 1211 г.). При этом ни германцы, ни гунны, ни монголы не превосходили войска римского или цзиньского императора числом. Секрет их побед заключался, скорее, в сноровке и массовости, нежели в простом заваливании противника телами. Так, регулярные армии империй состояли из представителей самых разных народов, далеко не все из которых горели желанием

умирать за честь далекой и глухой к их нуждам династии. Среди римских легионеров встречались не только и не столько италики, но также галлы, сирийцы и даже германцы, и основным источником дохода для них была не война, а сама служба. Многие из них становились легионерами исключительно ради жалования; чтобы получить его, они были согласны лишь маршировать на плацу, а в более поздние времена легионы открыли вкус к участию в междоусобных войнах и переворотах. Выбивать подачки из «солдатских императоров» оказалось гораздо интереснее, чем защищать границы империи от нецивилизованного, а потому неуловимого врага. То же самое можно сказать и о регулярной армии империи Цзинь, в которой вместе служили чжурчжэни, китайцы и кидани, из которых два последних народа считались людьми второго сорта и поэтому не собирались отдавать жизнь за привилегированных властителей. Возможно, именно поэтому Великая китайская стена и многочисленные римские укрепления в долине Дуная не защитили имперских границ: «люди второго сорта» охотно предавали «первосортных» господ и открывали ворота варварам. К тому же, регулярные имперские войска располагали многими средствами, которые были незаменимы для войны против армий таких же цивилизованных государств, но в боях с варварами оказывались бесполезны. Так, армия чжурчжэньской империи имела на вооружении артиллерию, но у монголов не было городов, стены которых нужно было бы проламывать. Точно так же оказались бесполезны против германцев римские тяжеловооруженные всадники, экипированные для боя с аналогичными им персидскими кавалеристами. Аммиан Марцеллин упоминает о том, как в ходе битвы при Аргенторате (357 г. н.э.) большая часть этих закованных в железо бойцов попросту провалилась в рейнские болота и едва не утонула в них.

Что же могли противопоставить варвары регулярным армиям? Или, вернее, почему они смогли их победить? Как ни удивительно, и китайские, и римские историки полагают, что дело в массовости и боевом духе. И монголы, и германцы, как уже звучало выше, считали грабёж и раздаваемые из этого «неисчерпаемого фонда» подарки совершенно естественным мужским делом. Немецкий историк О. Менхен-Хельфен отмечает, что война и грабёж были для варваров, рассматриваемых им на примере гуннов, синонимами. Атилла, как и его германские предшественники, и монгольские последователи, не видел ничего недопустимого в том, чтобы беспрерывно вымогать и отнимать у цивилизованных соседей ценности и ресурсы: «Гуннское вторжение в Галлию в 451 г. было всего лишь продолжением политики другими средствами, если, конечно, слово *политика* (курсив автора) применимо к постоянному вымогательству» [6, с. 131]. И поэтому каждый мужчина-варвар с раннего детства готовился к войне.

Пэн Да-я красноречиво описывает подготовку татарских всадников, наводивших ужас на средневековый Китай: «Что касается их верховой езды и стрельбы, то они с ранних лет привязывают (детей) к доске и укрепляют её на лошади. Так они постоянно и ездят с матерью (на этой самой лошади). В три года привязывают их верёвкой к седлу так, чтобы они могли рукой за что-нибудь держаться. После этого они скачут галопом вместе с остальными. В четыре-пять лет они носят под мышкой маленькие луки с короткими стрелами, а когда они становятся взрослыми, то занимаются охотой в течение всех четырёх времён года» [11, с. 39]. То есть с самого раннего возраста мальчику прочили судьбу воина, и неудивительно, что впоследствии он видел в сражениях и грабительских набегах не тяжкий труд, а жизненное предназначение. Тацит приводит жестокий, но популярный у германцев обычай возрастной инициации: «То, что редко встречается у других германских народов и является смелостью отдельных лиц, у хаттов (одно из германских племён – авт.) составляет общий обычай: как только кто подрос, отпускает волосы на голове и бороду и не прежде лишается этого вида, служащего обетом и залогом мужества, как по убиении неприятеля» [9, с. 57]. Разумеется, не все схватки и набеги заканчивались для варваров победой и не все монгольские и германские воины возвращались домой живыми, но в их среде это воспринималось как нечто само собой разумеющееся, некая лотерея, в которой выиграть или проиграть одинаково интересно. Обратное отношение наблюдалось среди представителей цивилизованных народов. Вот как описывает их установку А. Дж. Тойнби: «Атрофия воинственного духа граждан универсального государства, вытекающая из монополии на воинскую профессию имперской власти, даёт внешнему пролетариату (варварам – авт.) или соседней цивилизации шанс напасть и захватить часть территорий вместе с внутренним пролетариатом, который при расслабляющем климате универсального государства становится политически пассивным, компенсируя это религиозной активностью» [10, с. 517]. То есть если для варваров военное поражение – это лишний повод для нового похода, подогреваемого жаждой мести, то для жителей империи катастрофа в Тевтобургском лесу – день траура и лишний повод для страха перед неведомым, но грозным врагом. Победы над варварами одерживаются не миллионными массами горожан, от которых зависит имперское общественное мнение, а особой кастой регулярных солдат, которые уже не смешиваются с гражданским населением. Разгром же регулярных войск пугает мирных жителей: если даже ветераны не справились, то гражданской публике вообще не на что надеяться. Тем более что восполнить людские потери в профессиональной армии гораздо сложнее, чем в варварской войске, представляющей собой нечто среднее между добровольческой дружиной и всенародным ополчением. Если подготовка римских легионеров, персидских пехлеванов или китайских императорских солдат стоила огромных денег, требовала особых институтов вроде учебных лагерей и занимала немало времени, то каждый германский или монгольский воин, как отмечалось выше, самостоятельно упражнялся с детства и постигал воинское дело на охоте и в грабительских стычках. Каждый варвар мог заменить в строю своего убитого соплеменника, в отличие от представителей римской или пекинской городской черни, совершенно бесполезной на месте погибших ветеранов. Ирландский историк Дж. Б. Бьюри прямо пишет о римском гражданском населении: «Мужчины там были цивилизованны и развиты духовно, зато слишком слабы физически, чтобы вступать

в рукопашную схватку с нецивилизованными варварами» [2, с. 32-33]. Утверждение это справедливо и для средневековых китайских горожан. Зато религиозная активность имперских городских жителей оказывала варварским завоевателям добрую услугу, создавая вокруг победоносных чужаков эсхатологический ореол и внушая мысль о бесполезности сопротивления. Так, легендарный Аттила был объявлен Бичом Божиим, а китайские мессиански настроенные сектанты из «Белого Лотоса» и «Школы Милэфо» видели в монголах могильщиков старого мира, которым нужно не сопротивляться, а содействовать.

С точки зрения цивилизованного общества проводить всю жизнь в воинских развлечениях и сражениях попросту глупо. Человеческая жизнь сама по себе не очень длинная, и неразумно растрчивать её на легкомысленные и рискованные занятия. Но в «Хэй да ши люэ» замечательно и точно описано оригинальное, свойственное варварам чувство времени. Пэн Да-я слегка высокомерно утверждает, что календарю и летоисчислению татар научили китайцы, и при этом не замечает, что традиционное летосчисление монголов решало совсем другие задачи: «Всему этому они научились у китайцев, киданей и чжурчжэней. Что касается собственных обычаев татар, то сами по себе они ничего не понимали (в исчислении календарей). Стоило зазеленеть траве, они считали, что прошёл год, а стоило впервые появиться новому месяцу – что прошёл месяц. Когда кто-нибудь спрашивал их о возрасте, они считали на пальцах, сколько раз (за время их жизни) начинала зеленеть трава» [11, с. 29]. Монгол, в отличие от подданного империи Цзинь, не связывал свою жизнь с государством, которого у него попросту не было. Он не имел ни нужды, ни возможности соотносить свою жизнь с «вечной» империей или «вечным» городом. Он принадлежал лишь своему роду или вождю, которого выбрал для себя сам, и измерял свою жизнь только происходящими в ней событиями. Жизнь варвара представляет собой не краткий миг по сравнению с чем-то (например, с жизнью империи), а бесконечное настоящее, которое следует заполнить славными деяниями. Ведь только так можно стать бессмертной частью рода, одним из предков, которые уже не живут, но и никогда окончательно не умирают, служа для новых поколений примером и героями бесчисленных песен, саг и баллад. Китайскому автору вторит Тацит: «Пашни они меняют раз в год, и у них всё-таки ещё остаётся земля, так как они не состязаются трудом с плодородием и большим размером своей земли для того, чтобы сажать плодовые деревья, выделять луга или орошать сады: они требуют от земли одной жатвы хлеба. Поэтому они и года самого не делят на столько же частей (как мы): они знают и имеют названия для зимы, весны и лета; но осени они не знают, как по имени, так и по дарам её» [9, с. 54]. Варвар не живёт для империи, и частью огорода он себя тоже не считает. В лучшем случае, он – часть племени и, не жалуясь, участвует во всех событиях его жизни. А в худшем для цивилизованных соседей случае он – член добровольческой дружины того или иного конунга, хана, нойона или ярла, намеренно ищущий приключений и жаждущий обессмертить своё имя. Наиболее красноречиво описал такое отношение к жизненному времени британский исследователь Дж. Гудвин, говоря о ещё одних известных варварах – турках-османах на заре их истории: «Никому не приходило в голову считать часы, вести учет дням или страшиться каких бы то ни было расстояний... Человек жил, действовал и умирал – это было известно всем. Разворачивающийся орнамент османских завоеваний был похож на истину, которую открывают, а не создают; и первые османы обращались со временем по-хозяйски, как свойственно кочевникам. День смерти был предначертан, равно как и день победы. Они никогда не оглядывались назад и не просчитывали риски» [3, с. 193].

Китайские авторы, описывая административное устройство ханского двора, с огорчением констатируют, что звания и титулы для монголов ничего не значат: они либо воспринимаются как яркая мишура, либо вообще никак не относятся к реальной жизни и выбираются каждым по своему вкусу. Пэн Да-я возмущенно пишет: «Что касается названий должностей, то их чиновники присвоили себе такие наименования, как “удельный князь”, или “императорский регент”, или “князь области”, или “императорский комиссар”. Беглецы и пленные из разных стран называют себя кто министром Великого императорского секретариата, кто генералом, кто вице-президентом, кто комиссаром по умиротворению и транспорту. Они самовольно и неправомочно присваивают себе звания» [11, с. 36]. Подчеркнем, что речь идёт о монгольском дворе уже после завоевания тангутской и чжурчжэньской империй (Си Ся и Цзинь), в годы, когда варвары-победители успели познакомиться с местными системами управления и даже пригласить на службу некоторых представителей прежнего чиновничества. Такое отношение к официальным регалиям касается не только татар, но и германцев, и гуннов. Так, в годы своих наивысших успехов Аттила числился не врагом римлян, а их главнокомандующим (*magister militum*), что не мешало ему атаковать и грабить римские же города. Скорее всего, вождь гуннов попросту не обращал внимания на это звание и воспринимал его как пустой звук. Аналогичное звание имел и разрушитель Рима вождь вестготов Аларих, что, разумеется, никак не влияло на учиняемые им и его воинством грабежи и погромы. Варварские вожди не просили для себя этих титулов именно потому, что они в эпоху нашествий уже ничего не означали. И столь широкое их присвоение всем желающим было проблемой не варваров, а цивилизованных правителей, которые пытались таким образом польстить победителям, переманить их на свою сторону и сделать частью гибнущих империй.

Однако нельзя сказать, что варвары полностью отказываются от заимствований и наследования, только лишь грабя и поработав своих цивилизованных соседей. Верно, что вандалы целенаправленно уничтожали любой след римлян на захваченных землях и что монгольский хан Гуюк предлагал перебить оседлое население Северного Китая и превратить его земли в огромное пастбище. Однако такое отношение к цивилизации во все времена оставалось экзотикой. Просто варвары наследовали не весь культурный комплекс поверженных империй, а только те его части, которые считали для себя полезными. Вот как описывает этот

процесс А. Дж. Тойнби: «Соседи отворачиваются от общества, потерявшего свою душу и изменившего внешность, но акт отделения, который происходит в результате этого отчуждения, не обязательно означает полный отказ от мимесиса (подражания. – С. С., Д. Т., И. Ч.). Отчужденное и лишенной иллюзий варварское общество начинает с пренебрежением относиться к культуре своего соседа, но вместе с тем оно может продолжать заимствовать его социальные институты и технические достижения» [10, с. 367]. Так, при дворе Чингисхана сделали блестящую карьеру китайские чиновники киданин И-ла Чу-цай и чжурчжэнь Нянь-хэ Чжун-шань, а с мусульманами вёл дела уйгур Чинкай. Каждый из них был грамотным, образованным человеком и использовал административные навыки, полученные ещё на императорской службе. На вооружение монгольской армии сразу же после первых боёв с китайцами были взяты стенобитные машины, которые обслуживал китайский же военный инженер Ли Тун-по. То же самое можно сказать о свите Аттилы, приближенным которого долгое время был Флавий Орест, отец последнего римского императора Ромула Августула. Поэтому нельзя сказать, что варвары совсем не поддаются ассимиляции и никак не усваивают культуру побеждённых высокоразвитых народов. Другое дело, что это – взаимная ассимиляция, в ходе которой ни один из участников не остаётся прежним. И, разумеется, это не быстрый процесс. Например, Чингисхан за всю жизнь так и не научился писать, а хан Гуюк, один из его наследников, искренне не понимал, для чего на свете существуют города и сёла. Зато уже хан Хубилай (1215-1294 гг.) правил Китаем, опираясь на китайскую же бюрократию, покровительствуя буддизму и любезно принимая венецианского торговца Марко Поло. В его столице, пусть не в Пекине, а в Ханбалыке, процветала китайская архитектура, и даже был введён китайский придворный церемониал. Можно предположить, что Аларих и Аттила не провозгласили себя римскими императорами только потому, что этот титул стал пустым звуком задолго до разгрома легионов при Адрианополе. Если в империи постоянно правили от двух до четырёх императоров, то вряд ли хоть один из них обладал реальной властью. Наверное, по этой самой причине вождь ругиев Одоакр, сняв корону с последнего цезаря Западной Римской империи, не возложил её на себя, а отослал в Константинополь как надоевшую игрушку.

Всё же не будем идеализировать варваров. Безусловно, они сыграли историческую роль могильщиков одряхлевших и распадающихся империй и основателей новых государств, и осторожные насмешки Сюй Тина и Пэн Да-я, а также плохо скрываемая брезгливость Аммиана Марцеллина неуместны. Но при всей своей утилитарной избирательности и монголы, и германцы быстро унаследовали многие нравственные и социальные пороки побеждённых народов. Коррупция в государственном аппарате и безнравственность в личной жизни легко перешли от побеждённых к победителям и если не вошли в поговорку, как прежде, то только потому, что у молодых государств хватало более серьёзных проблем. Рассуждая о преемственности нравственных пороков, отечественный историк П. Н. Бодянский удивлялся, каким образом в патриархальном Риме в короткий срок после Второй Пунической войны возникла оргиастическая секта поклонников Диониса, и сделал любопытный вывод: «Несомненно, что у римлян были весьма здоровые инстинкты; но эти инстинкты не были воспитаны, не были выработаны. Здоровая жизнь римлян зависела только от долгого отсутствия у них деятельности отрицательных влияний, а не от обладания тем нравственным закалом, который, являясь результатом борьбы между положительными и отрицательными влияниями, один только может гарантировать моральное здоровье народа среди нездоровой обстановки» [1, с. 29]. Таким образом, варвары, хоть и являются носителями простоты и разрушителями отживших своё империй, но всё-таки не несут нравственного возрождения и, более того, быстро становятся подвержены всем тем же порокам, что и их цивилизованные противники.

До сих пор мы проводили аналогию между монголами XIII в., разрушившими китайские государства Си Ся, Цзинь и Сун, и германцами, положившими конец Западной Римской империи. Думается, что, будучи верной по сути, эта аналогия всё же не совсем уместна. Действия этих суровых завоевателей сходны между собой, а вот их цивилизованные противники серьёзно различаются. Римская империя фактически не существовала как единое государство задолго до варварского нашествия. Недаром каждому императору в обеих её частях (Западной и Восточной) приходилось начинать своё правление с междоусобных войн на протяжении всего IV в. н.э. Империя была обречена в силу закономерностей собственного развития, и ни германцы, ни кочевники не могли быть интегрированы в античное общество хотя бы потому, что оно в это время стремительно распадалось. Татары же атаковали вполне жизнеспособные империи Си Ся, Цзинь и Сун, каждая из которых находилась, как минимум, в середине своего исторического пути, но никак не в его конце. Поэтому китайское общество пусть неохотно, но всё же приняло завоевателей в свои ряды. Хубилай был императором из династии Юань не в меньшей степени, чем ханом из рода Чингисидов. Почти полными историческими двойниками монгольских захватчиков в европейской истории могут быть викинги, сначала наводившие ужас на жителей королевств как грабители и разбойники, затем захватившие территории во Франции, Англии и Италии как норманнские завоеватели и под конец вошедшие в королевское подданство как вассалы западноевропейских монархов. Подобно тому, как Хубилай был больше императором, чем ханом, Вильгельм Завоеватель был герцогом Нормандии в большей степени, чем скандинавским конунгом. И степные варвары Дальнего Востока, и плавучие варвары Северной Европы стали не столько разрушителями цивилизованного мира, сколько его новой, молодой и полной сил частью.

Итак, благодаря «Хэй да ши люэ» мы смогли провести параллель между дальневосточным и позднеримским восприятием варваров представителями цивилизованных, имперских обществ (Римской империи и империи Сун). Если не принимать в расчёт хотя бы один из источников (китайский или римский), то получится лишь рассказ о конкретных исторических событиях, обусловленных единожды сложившейся ситуацией, однажды случившихся и больше не повторявшихся. Какие черты, единые для варваров противоположных

концов Евразии, мы могли бы выделить вслед за античными и китайскими авторами? Во-первых, это не-любовь к созидательному труду. Во-вторых, вытекающая из первой особенности расточительность: не производя сложных материальных артефактов, варвар не знает их цены. Но, в-третьих, именно поэтому горизонтальные и вертикальные связи в варварском обществе держатся буквально на «честном слове»: торжественные клятвы, безвозмездные подарки и товарищеская верность ценятся в нём гораздо выше, чем материальный успех. Именно поэтому война, понимаемая варваром как серия грабительских набегов, совсем не страшит его: материально в ней варвар почти ничего не теряет (потому что ничего не имеет), зато получает возможность заработать авторитет в глазах товарищей и повысить свой статус в племенной или дружинной иерархии. При этом необходимо оговориться, что все эти черты носят относительный характер: средневековый монгол видел мир совсем не так, как древний германец. Если бы они смогли каким-то образом увидеть друг друга, то вряд ли бы поняли, почему цивилизованные соседи поставили их в один ряд. Однако ещё сильнее мировоззрение их обоих отличалось от образа мира имперских горожан из римских и китайских мегаполисов. Вероятно, цивилизованные горожане императорских Рима и Китая по стилю жизни были похожи друг на друга, и поэтому их образы врага практически совпадали. Ведь это именно они создали образ варвара как врага цивилизации, а не соплеменники Аттилы и Чингисхана сформулировали концепцию цивилизации как потенциальной жертвы.

Было бы любопытно сравнить стиль жизни современных западных европейцев с аналогичным стилем авторов «Германии», «Римской истории» и «Хэй да ши люэ». Это позволило бы понять, насколько современные мигранты соответствуют образу варваров: что в них оригинального, а что привнесено неизменным за тысячелетия цивилизованным наблюдателем? Но это тема для другого исследования.

Список источников

1. Бодянский П. Н. Римские вакханалии и преследование их в VI веке от основания Рима. М.: Либроком, 2016. 88 с.
2. Бьюри Дж. Б. Варвары и Рим. Крушение империи. М.: Центрполиграф, 2013. 221 с.
3. Гудвин Дж. Величие и крах Османской империи. Властители бескрайних горизонтов. М.: КоЛибри, 2013. 416 с.
4. Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос в средние века (VII-XIII вв.). М.: Наука, 1984. 335 с.
5. Марцеллин А. Римская история. М.: АСТ, 2005. 631 с.
6. Менхен-Хельфен О. История и культура гуннов. М.: Центрполиграф, 2014. 479 с.
7. Петрухин В. Я. Загробный мир. Мифы о загробном мире: мифы разных народов. М.: АСТ, 2010. 416 с.
8. Плутарх. Застольные беседы. М.: Эксмо, 2008. 640 с.
9. Тацит П. К. Сочинения: в 2-х т. СПб.: Изд-во Л. Ф. Пантелеева, 1886. Т. 1. 380 с.
10. Тойнби А. Дж. Постигание истории. М.: Айрис-пресс, 2010. 640 с.
11. «Хэй да ши люэ»: источник по истории монголов XIII в. / ред. А. Ш. Хадырбаев. М.: Наука, Восточная литература, 2016. 254 с.
12. Цезарь Г. Ю. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне. М.: АСТ, 2007. 750 с.

“Hei-ta shih-lüeh” Social and Philosophical Conceptions: Meeting of Civilization and Barbarism

Sulimov Stanislav Igorevich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Voronezh State University
sta-sulimov@ya.ru

Tregubova Dinara Dmitrievna, Ph. D. in History
Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow
ddtregubova@gmail.com

Chernigovskikh Igor' Vasil'evich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Voronezh State University of Engineering Technologies
igrchernigovskix@rambler.ru

The article provides a comparative analysis of the barbarism phenomenon perception by the Chinese and ancient authors. The Chinese diplomats' reports on lifestyle in the 13th-century Mongol Empire known as “Hei-ta shih-lüeh” are compared with the analogous Roman sources (“The Gallic Wars” by Gaius Julius Caesar, “Germania” by Publius Cornelius Tacitus and “Roman History” by Ammianus Marcellinus). Relying on the ancient and Chinese sources, the authors analyse a generalized “barbarism” image created by the Far Eastern and Roman classics. This image is practically identical for the Chinese and Roman societies (and, more broadly, for any civilized society).

Key words and phrases: barbarism; civilization; The Roman Empire; imperial China; cultural expansion.